

Непобедимый гений Суворова

В 1790 году гению и мужеству Суворова пришлось выдержать испытание Измаилом. Перед взором русского полководца простиралась крепость, построенная по проектам французских инженеров. Прямоугольный треугольник крепости был вписан в окружность длиной в десять верст и гипотенузой обращенный к Дунаю. Катеты его образовывал шестиверстный вал высотой от трех до четырех сажен, перед которыми шел глубокий и широкий ров. Измаил защищали около двухсот пятидесяти орудий разного калибра и тридцатитысячный гарнизон. Турецкий сераскир, возглавлявший оборону Измаила, поклялся скорее умереть, чем сдать крепость. Взятие крепости требовало почти непредсказуемых и ранее не использованных при штурмах решений, крайне сложных атакующих действий. Понадобилось несколько дней, чтобы эта победа вошла не только в историю военного дела, но открыла собой бесценный опыт штурмов укрепленных твердынь, упирающихся в море. Традиционно длительные осады сильно укрепленных крепостей не всегда заканчивались успешным взятием крепости, так как постепенно накапливалась усталость осаждавших. Этим обстоятельством пользовались осажденные, изматывая осаждающих неожиданными вылазками. Штурм крепости Измаил буквально взорвал тактику взятия крепостей одновременным наступлением всех войск в один день с трех сторон. Фактически, Суворов отказался от длительной осады, используя инженерные сооружения, которые при осадах помогали подойти к укрепленному городу, но требовали больших затрат времени, терялся темп наступления и ситуация менялась на противоположную.

В истории мировых войн известен случай, когда, не имея флота, Александр Македонский не мог взять сильно укрепленный город Тир. Но решение Александра было неожиданным. Историков это повергает в удивление. Со стороны Эгейского моря Александр построил огромную дамбу через залив на остров, который находился в 1,5 км от материка. На возведение дамбы ушло много времени, так как, не медля, началось активное сопротивление между строителями дамбы и жителями Тира, которые стремились дамбу разрушить. Первую дамбу жители Тира разрушили, но упорный Александр возвел другую более надежную дамбу. Построив флотилию и поставив осадные орудия на корабли, выиграв ряд морских сражений, Александр начал осаду Тира. Произошло удивительное сражение инженерных технических решений. Катапульти сделали проломы в стенах Тира, в эти проломы ринулись войска, и Тир был взят штурмом.

Еще один пример уникального инженерного решения Александра Македонского интересен в ракурсе противоречивости двух рисков: риска длительной осады и риска немедленного штурма. Однажды глубокое ущелье преградило путь войскам Александра, но одержимый везде брать верх, Александр заставил саперов и боевые отряды строить насыпную дамбу че-

рез ущелье. Возвели узкую дамбу через ущелье и ночным штурмом овладели высотой, где скрывались их противники.

Суворов решил начать штурм Измаила без промедления. Неясно, какой риск военный, политический был больше – риск длительной осады или риск штурма. Он бросил на чашу весов всю свою сорокалетнюю славу и саму жизнь, ибо наверняка не перенес бы позора неудачи. Но даже Суворов не решался предсказать результат штурма. Турки говорили: «скорее Дунай остановится в своем течении, и небо упадет на землю, чем падет Измаил». Диспозиция Суворова – атаковать крепость одновременно с трех сторон, безоружных, женщин и детей, христиан не трогать. Ночь перед штурмом Суворов не спал. С восходом солнца шестьсот орудий флотилий и батарей на флангах открыли канонаду. О. Михайлов, проанализировавший военную теорию Суворова в «Науке побеждать», увидел логику успеха полководца в том, что «в век палочной дисциплины и жестокой бессмысленной муштры вчерашний крепостной чувствовал себя личностью, верил в себя и в собственные силы, понимал свой маневр, обретал национальное самосознание и, таким образом, был морально готов сразиться с любым, самым сильным противником» (54, с. 338).

Психическая энергия личности как гигантский водоворот втягивала в себя всю русскую атакующую армию. В таком безудержном стремительном порыве ночью 11 декабря русские войска пошли на штурм Измаила. До штурма Суворов приказал вырыть глубокий ров. Непрерывные атаки на турецкие бастионы продолжались целый день, и тут успех сражения решил внезапный удар десанта с Дуная. Морской отряд из двадцати судов высадился около бастиона крепости и помог первой колонне, атаковавшей придунайские турецкие батареи. К восьми часам утра пали внешние турецкие укрепления, они были взяты русскими войсками. Еще через шесть часов турки были разгромлены окончательно, Измаил пал. Потери турецкого гарнизона были внушительны 26 тысяч погибших турок и татар. Русская армия потеряла несколько более 4 тысяч человек. В традиционных представлениях взятия штурмом крепостей, как правило, потери атакующих всегда больше, чем осажденных, но такая огромная разница в потерях атакующих и обороняющихся свидетельство полководческого гения Суворова.

Каковы были суворовские принципы ведения войны? Однажды во время итальянского похода в беседе с генералом Багратионом Суворов скороговоркой произнес свои знаменитые тезисы атакующей войны. Суворов, фактически, обозначил опоры информационно-смысловой структуры атакующих действий: «Субординация! Экзерция! Военный шаг – аршин! В захождении – на полтора! Голова хвоста не ждет! Внезапно как снег на голову! Надо атаковать! Холодное оружие – штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения! Гнаться по пятам, истреблять до последнего человека! Казаки ловят бегущих и весь их багаж. Без отдыха вперед, пользоваться победой! Пастуший час! Атаковать, смести все что встретится! Не надо

патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время смелость, натиск» (Цит. по 54, с. 380).

Все понятия и локальные структуры связаны друг с другом, одно следует за другим, а из последующего вытекает обратная связь к предыдущему. Эта структура есть совокупность постулатов атаки, это отражение общей концепции, которая не может в точности осуществиться в конкретном сражении из-за противодействия и сопротивления противника, из-за разнообразия ситуаций. Но такая структура составляет опору, прогноз действия, психологический план, данный всем от солдата до командира и предводителя отрядов, дивизий, полков и самого полководца. Информационный образ должен воплощаться в сражении и непрерывно развиваться в деталях. Новые элементы встраиваются в каркас структуры, совершенствуют ее, превращая каждый опыт в стремительное развитие начальных построений. Поэтому для наступательных действий армии нужно воображение, воля, сосредоточение, спонтанность, одержимость и мощный поток энергии наступления. Все должны быть пропитаны этим наступательным порывом, самым духом победы. В этой структуре отчетливо проявляет себя стремительная спонтанность и энергия атаки. Обратим внимание на понятия: «Военный шаг – аршин! В захождении – полтора.... Без отдыха вперед, пользоваться победою.... Смелость, натиск».

Выдающимся достоинством характера Суворова была его энергичная волевая импровизация во время сражений, когда ситуация сражения ставила его войска на грань поражения. В сознании полководца происходила спонтанная перестройка и, отступая от этой структуры в соответствии с конкретным положением, полководец улавливал творческие импульсы – переход от отступления вновь к атаке.

В истории суворовских сражений есть описанный пример такого явления. О. Михайлов пишет об итальянском походе, когда колонна французов перешла реку, и прорвала русский фронт, Суворов кричал отступавшим: «Заманивайте!» Беспорядочная толпа образовала линию. Стой! и Вперед! – чередовались в приказах. Суворов всегда ждал того момента, когда структура атаки начинала раскручиваться в своем стремительном развитии. Одержимость атакой для Суворова, как и Александра Македонского, была на первом месте. Суворов мог жить на войне только атакой подобно тому, как Бетховен сочинял героическую музыку. Суворовская атака крепостей, наполненная гармонией пушечных выстрелов и криками «Ура!» - это могучий взрыв неудержимого напряжения. Для Суворова не существовало принципа отступления, доминировала только наука побеждать. Поистине можно сказать, что у трех полководцев Александра Македонского, Александра Суворова и Наполеона как будто бы был ген одержимости атакой.

Фактор отступления, формирующего смысловую структуру ведения битвы, для Суворова имел ничтожно малое значение, поэтому вся его во-

енная жизнь была оттачиванием мастерства наступательных действий. Суворов видел структурное развитие битвы. Как ученый видит структурное развитие своей теории, так и полководец видит структурное развитие сражения. Любое новаторство есть акт бесстрашия. В сражении под Кинбурном Суворов ранило в левый бок ниже сердца и засыпало песком. Теснимые янычарами, русские отступали в крепость. Придя в себя, Суворов собрал вокруг себя три пехотные роты, один батальон и легко конную бригаду и возобновил наступление. В атаке пуля пробила ему левое предплечье. Его отвели к морю и промыли рану морской водой. Полководец своей рубашкой перевязал рану и закричал: «Помилуй бог, благодарю! Помогло. Тотчас помогло, Я всех турок прогоню в море!...». Он сел на лошадь и продолжил сражаться. Суворов часто впадал в полубоморочное состояние, его поддерживал гренадер. В конце концов, русские непрерывным 9-ти часовым сражением и непрерывными атаками сбросили турок в море, и была одержана победа. В Петербурге она вызвала неподдельный восторг. Царица Екатерина была поражена стойкостью дважды раннего полководца.

Недаром Суворова турки прозвали генерал «Вперед». Направленность установки сознания на объект предполагает направление психической энергии на внешний объект. Для полководца таким объектом являются войска. Азарт же ставит барьер сомнению. Как только сомнение овладевает атакующим, то происходит уход части психической энергии. По-видимому, Суворов высокой степенью экстраверсии. Именно экстравертной установкой сознания объясняется главный труд Суворова: «Наука побеждать». Суворов как военный ученый разработал теории наступления и атаки, со всеми ее военными и психологическими аспектами. В его науке побеждать есть главное качество любой хорошей теории – целостность структурных построений, которую он подтвердил во всех войнах за время своей пятидесятилетней военной деятельности.

Во время итальянского похода на перевале Сен-Готард создалась предельно экстремальная ситуация. Суворов, предвидя рискованность атаки перевала Сен-Готарда, послал в обход шеститысячный корпус Розенберга. Авангард Багратиона, обошел французов справа и начал взбираться по скалам вверх. Французы расстреливали смельчаков сверху. В это же время союзная колонна только начала обход французов слева. Но никогда за все предыдущие войны армия Суворова не попадала в такое положение, как на перевале Сен-Готард. Позиция французов была почти не уязвимой для атаки с фронта. Но русские отчаянно бросились на штурм, французские стрелки стреляли почти в упор, русские понесли потери, их первая атака захлебнулась. Суворов вторично послал солдат в атаку. Новый отчаянный порыв, но французы непрерывной стрельбой в упор отбили атаку. Положение русского отряда, где находился сам Суворов, стало вконец отчаянным. Подкрепление Багратиона, которое шло со спины французов, еще не подошло. Не дожидаясь окончательной темноты и используя последнюю возмож-

ность, Суворов приказал начать третью последнюю атаку. Солдаты воодушевленные своим полководцем полезли по склонам на штурм, используя камни и скалы, как укрытия от выстрелов французов. По утесам и скалам солдаты отряда Багратиона карабкались на главный Альпийский хребет в тыл французам, засевшим на перевале. У некоторых русских солдат были привязаны когти для лазания по столбам. Выполняя задание Суворова, Багратион, выходил с другой стороны на перевал. Знаменитый немецкий теоретик К. Клаузевиц назвал этот переход самым изумительным из всех подвигов за все время итальянского похода Суворова. Когда французы увидели наступавшие на них с тыла отряды Багратиона, они растерялись, бросили свою позицию и стали поспешно отходить. Сражение было выиграно, но до тысячи двухсот русских выбыло из строя. Какая магическая сила заставила презреть смерть солдат, карабкаться вверх по обледенелым камням? Какая магическая сила побуждала русских солдат быть не только смелыми, но предельно умелыми в бою?

Суворов своими новаторскими решениями военных наступательных действий поверг традиционные методы войны и привнес в них то, что не вписывалось в привычные схемы современных ему войн. Вся его пятидесятилетняя военная деятельность была столкновением. Во время итальянского похода, будучи главнокомандующим союзных войск, Суворов был вынужден преодолевать противодействие австрийцев. Во время итальянского похода Суворов одержал победу над главными силами французов, и стремился развить успех, продвигая войска, но австрийский император и военный совет не дали возможность одержать Суворову полную победу. Суворову приходилось воевать на двух фронтах: открытом – с французской армией и скрытом – с сопротивлением австрийцев. Сама стратегия суворовских войн в Италии и в Швейцарии столкнулась с невозможностью ее немедленного воплощения в самых актуальных моментах.

В живом организме суворовской армии происходили сложнейшие взаимные и индивидуальные решения. Но почему вытеснялся страх и доминировал порыв на атаку? Загадка этого социально-психологического механизма не имеет элементарного решения. Перед историками встает очевидный вопрос: почему армия Суворова всегда была полна боевым духом, часто голодала, но неизменно побеждала. Высокий дух человека всегда имеет сильную корреляцию с высшей потребностью самореализации. Высокой дух предполагает сосредоточение сознания на понятиях чести солдата, славы и гордости. Эти опоры мотивируют армию на самопожертвование, бесстрашие и героические поступки. Если проанализировать факты многих сражений, то можно найти там осознанное и бессознательное стремление к удовлетворению высших потребностей. Как ответить на нелегкий вопрос: в чем выражается стремление к самоактуализации в победе над противником и его уничтожении? Не все войны, которые вел Суворов, были освободительными, но во всех проявлялся его гений, и всегда его армия вела героиче-

ческие сражения. Суворов был монархистом и вел свои войны от имени монархии. Но солдаты воевали за честь и славу России. Понятия честь и слава стоили выше жизни. В войнах, которые вел Суворов, было много идеалистических романтических настроений, как в рыцарские времена. Известно, что рыцарские поединки нередко заканчивались смертельным исходом. Но независимо от этого можно говорить об искусстве победы в них, так и в сражениях. Если есть войны, то есть и искусство ведения войн.

Хотя речь идет об искусстве сотворения сражения, по сути, страшного события, здесь не уйти от вопроса о творческом ведении войны, которое заключается в разработке различных стратегий: отступлений и наступлений, штурмов и атак, сражений с численным перевесом и с меньшими силами, внезапности ударов, хитрости маневров. Только в ракурсе творческого подхода можно найти оправдание понятию «искусство ведения войны».

Непрерывными творческими усилиями и на учениях, и в сражениях Суворов развивал в солдатах чувство единения, и когда они шли в каре, и когда они помогали друг другу в смертельной опасности. Благодаря чувству единения солдат отряд Багратиона смог взобраться на снежный перевал. Потребность самореализации, вдохновенного азарта и энтузиазма самоактуализации неизменно присутствовала у военачальников суворовской армии. Как Суворов этого добивался? У самого полководца кроме всех факторов гениальности, присущих любому гению, были такие, на которых стоял его характер полководца: одержимость атакой, бесстрашие и самореализация в сражении. Каков источник этой трансцендентной передачи черт личности Суворова своим солдатам? Как рождалась коллективная ось характера всей армии Суворова, в основе которой были высшие потребности личности? Солдаты любили, уважали и почти боготворили Суворова как отца, и через любовь возникал этот канал передачи.

Когда авторитет есть воплощение высоких духовных качеств, тогда законы и санкции внешнего авторитета становятся частью индивида и вместо чувства ответственности перед кем-то внешним появляется ответственность перед своей совестью как более эффективным регулятором поведения, ибо от самого себя не убежишь. Фромм полагал, что когда предписания авторитарной совести опираются не на собственные ценностные суждения, а исключительно на требования и запреты, санкционированные авторитетом, то если подобным нормам случается быть хорошими, то и совесть будет направлять человека по хорошей стезе. Именно поэтому солдаты глубоко верили своему полководцу как отцу и непререкаемому авторитету, поэтому в сражениях даже перед лицом смерти голос совести заставлял солдат примеривать свои действия на то, как действовал бы их полководец. Так шаг за шагом рождалась психическая система солдат адекватная психической системе самого Суворова. Феномен столь важной идентификации личности солдата и личности полководца объясним. В. Райх писал, что при идентификации субъект начинает чувствовать свою нераздельность с другим ин-

дивидом, перенимает его особенности и стиль отношений и в своем воображении ставит себя на его место, этот процесс вызывает действительное изменение в субъекте (68). Возникает идеал полководца-отца, которому следует поклоняться. Для Суворова самое ругательное было слово «немогузнайка»? Суворов, приглашая к обеду офицеров, любил читать им факты военной истории и общей истории, затем начиналось обсуждение и вопросы. Беседа принимала интересный характер, возникали споры и своеобразное состязание. Нередко офицеры отвечали четко по-военному: «Не могу знать». Но для Суворова не было хуже этого ответа. На «немогузнайство» у Суворова был наложен строжайший запрет, поэтому офицеры, такие храбрые в бою, не имея глубокого образования, терялись и жестоко страдали от этой тяжелой науки просвещения. Все начиналась с учения. В один из периодов своей службы Суворов был послан на Юг России и там принял командование армией. Находясь в Херсоне, к своему большому изумлению, Суворов увидел крайний беспорядок в армии. Проезжая по базару, полководец увидел, как солдаты торгуют, кто – чем может. Не медля, Суворов приказал им строиться в каре. Но у сбежавшихся солдат ничего не выходило, тогда он бросил, что теперь он сам будет учить их каждый день строевой службе и правилам военной науки. Суворов использовал каждую возможность для воспитания в своих солдатах и подчиненных неприхотливости, готовности к тяготам войны. Аскетизм Суворова был широко известен и во многом ему помогал переносить лишения в походах.

В знаменитом труде полководца «Наука побеждать» есть раздел: «Разговор с солдатами их языком». Суворов умел давать информационно-смысловой образ атаки так, что этот образ легко ложился в сознание солдата, не имеющего никакого образования. Простонародный язык Суворова совпадал с языком простого солдата. Основу памятки Суворова составляли требования решительной, наступательной тактики как в поле, так и при осаде крепостей: «Ломи чрез засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фашины, скатывайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонн; стреляй по головам. Колонны, лети чрез стену на вал, скалывай на валу, вытягивай линиею, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби. В дома не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел. Занимая площадь, ставь гауптвахты, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазейнам...» (цит. по 54, с.336). Биограф Суворова Антинг отмечал: «Слог его короток и мужественен; в выборе выражений столь верен, что никогда написанного не исправляет» (Цит. по 54, с. 306).

Такой образ поведения заучивался солдатами, отпечатывался и запечатлевался в памяти, а в нужный момент боя всплывал в сознание, и там уже действовал бессознательный автоматизированный навык ведения боя. Но

главное было даже не в формировании стремительной атаки в сознании солдат. И другие полководцы учили свои войска, но они не были гениями наступательных военных операций. Михайлов рассказывает в своей книге «Суворов» о почти непостижимом суворовском влиянии на русских солдат, наученных блестящей тактике атак и побед, но и о влиянии Суворова на австрийских военных, испытывавших на себе нравственное воздействие русского полководца.

У суворовской атаки была особая гармония психических взаимодействий, в которой доминируют напряженность, высокое страдание и героический дух. Так у солдат рождался автономный творческий комплекс подобный комплексу их полководца. Суворовская атака была своеобразной игрой, где ценой была жизнь, счастье победы, будущая слава или трагизм поражения. Спонтанность гения передавалась невидимыми психическими нитями каждому командиру и солдату атакующих суворовских войск. Возникла сложнейшая, взаимосвязанная психическая система коллективной атаки. Само сражение можно рассматривать как противостояние двух гигантских структур. У каждой структуры есть своя потребность в развитии, своя одержимость коллективной целью, своя эмоциональная коллективная окрашенность всех ее элементов. А элементы этой живой коллективной структуры вбирают в себя сознание каждого участника битвы. В случае победы цель этой коллективной структуры достигается. Неприятель стремится развить свою структуру сражения, возникает столкновение структур, каждая из которых стремится разрушить другую.

Синергетика говорит: если в одном месте структуры рождается хаотическое движение и энтропия увеличивается, то в другом месте растет организованность и с ней идет уменьшение энтропии и хаоса. Вот почему удачная атака приводит к организованности действий одной армии и дезорганизации другой. Гениальность полководца заключался в умении добиться развития коллективных структур своих войск и разрушения структур войск неприятеля. Упорными и ожесточенными сражения бывали тогда, когда ни одной из сторон не удавалось разрушить развитие коллективной структуры противника. Если на каком-либо участке сражения один добивался успеха, то в это время другой добивался успеха на другом участке сражения. Но, в конце концов, кто-то побеждал.

Коллективная живая структура строится из единичных «элементов», таким живым единичным «элементом» был суворовский солдат. В армии Суворова был особый солдат. Каждый солдат как бы носил в себе дар полководца. Расплавленное ядро суворовского гения создавало центростремительную силу притяжения, где центром был сам Суворов. В атаке суворовских войск воплощался голографический принцип, когда каждый солдат был как бы центром армии, и все сражение вращалось вокруг него. Но центром этой армии был Суворов. Так независимо от сопротивления неприятеля рождались и коллективное бесстрашие, и вдохновение боем, и коллек-

тивная сосредоточенность. Как художник имеет свои излюбленные приемы, так и полководец имеет свои методы ведения сражения. Суворов побеждал и потому, что противников охватывало паническое бегство еще до того, как на них катилась волна сражения, когда войска Суворова были еще далеко от них. Перед началом Рымникского сражения Суворов разработал детальный план боя, и чтобы лучше видеть расположение турецких войск. Взобравшись на высокое дерево, с высоты он увидел рассеянные по большому фронту турецкие войска. План Суворова был на первый взгляд прост: атаковать с флангов, хотя у русских сил было вчетверо меньше. На чем же основывалась уверенность Суворова при таком способе ведения сражения? Для этого войска должны были скрытно ночью подойти как можно ближе к турецким двум лагерям. Ночью русские перешли речку Мильку, а затем Рымну. Суворов, несмотря на сильный артиллерийский огонь, наступал, неоднократно перестраивая свои порядки, то атака шла в каре, то между ними появлялась конница, которая атаковала то с флангов, то по центру. При этом энергичный артиллерийский огонь подавлял батареи неприятеля. Это замечательный пример варьирования структурой атаки, высочайший уровень игры и внесения момента неопределенности в прогнозирование неприятелем атаки суворовских войн.

Суворову было уже почти 69 лет, когда в его полководческой деятельности наступил решающий момент. Эта новая война была непохожа на все другие. Французская армия оккупировала Италию, союз Австрии и России выступил против французских войск. Когда Суворов прибыл в Вену, австрийский император назначил его главнокомандующим всех союзных войск. Невозможно в предельно кратком описании героической деятельности Суворова и его армии охарактеризовать все сражения. Решающим и одним из самых труднейших сражений с французской армией было сражение под Нови. Суворов разработал стратегию сражения, которую потом неоднократно применял Наполеон – отвлечение главных сил неприятеля от направления главного удара. Хотя в этот раз у Суворова было численное превосходство в войсках, он не предпринял традиционную атаку всем фронтом, а сосредоточил полки русских войск, так чтобы они вступали в бой не сразу, а последовательно, чтобы была возможность маневра. Что это означает в смысле структурного видения всей картины сражения? Смысловую структуру расположения всех войск, своих возможных ударов и ударов противника, все локальные участки структур и полностью всю картину будущего сражения – все, что предопределяет развитие битвы, Суворов держал в голове. Не всегда у Суворова была возможность использовать карты и, долго думая над картами, он ощущал в деталях общую структуру развития сражения, и никогда Суворов не придерживался жестко закрепленных схем сражения. Успех любого сражения зависит не только гения полководца и его прогнозов, его решительности, но в значительной части от выполнения его приказов. И командиры должны на своих участках боя быть

спонтанными и умелыми. Сражение – это исключительно сложный коллективный, живой организм, сложнейшая психологическая и физическая система, в которой и неприятель играет важнейшую роль. В шахматах тоже осуществляется противоборство двух личностей, и в шахматах есть различные роды войск, скрытые комбинации, обманы, заманивание, ловушки, атаки, оборона. Но в шахматах во время игры все зависит от таланта только двух играющих, а в военном сражении, в битве исполнение приказов полководца зависит от воинов противоборствующих армий. Предвидение Суворова, его стальная выдержка и маневрирование войсками привели к поражению французской армии. После победы под Нови слава Суворова стала почти легендарной. Павел I писал ему: «Я уже не знаю, что вам дать: вы поставили себя выше всяких наград». Суворов не потерпел за пятьдесят лет ни одного поражения во всех войнах, которые он вел.

Удивительно, что исключительная слава Суворову досталась в Лондоне, где даже в театрах шли представления в его честь. Однажды адмирал Нельсон, охваченный неподдельным восторгом, написал Суворову: «Меня осыпали наградами, но сегодня удостоился я высочайшей награды; мне сказали, что я похож на вас». Гений совершает чудеса творчества, но ему нужно особое состояние вдохновения, поэтому гениальный полководец должен уметь вызывать у себя творческий восторг сражения.

Одержимость, спонтанность, бесстрашие, воля и другие факторы гениального дара, по-видимому, приближались у Суворова к максимуму. Ощущение структуры пространства сражения было необычайно велико, как и воображение всех деталей сражения. В этом проявлял себя дар целостного охвата всего сражения. Суворов всеми этими качествами обладал в совершенстве. В автономном психонейрофизиологическом комплексе полководца с большой скоростью совершалась творческая работа. За внешним подбадриванием солдат, актерской игрой скрывались глубокий быстрый ум гения и огромная воля.

В психологии победы Суворова были несколько опор: быстрый ход войск на сближение с врагом, вступление в сражение без промедления; сила духа армии; коллективная одержимость сражением; молниеносность решения командиров; взаимопомощь и взаимодействие войск; подавление духа сопротивления врага; азарт боя; темп и давление на противника; стремительное преследование, не дающее время опомниться. Но все это было бы невозможно, если бы не магическая вера солдат в своего полководца, перед которым не мог устоять даже численно превосходящий суворовские войска противник.